

Джеймс
БЛИШ

JAMES
BLISH

SURFACE
TENSION

Джеймс
БЛИШ

ПОВЕРХНОСТНОЕ
НАТЯЖЕНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б69

Серия «Мастера фантазии»

James Blish

A COLLECTION

(состав: A Case of Conscience, The Seeding Stars (4 novellas),
Midsummer Century, Beep, A Work of Art,
No Joke on Mars, Statistician's Day)

Перевод с английского

Художник *Е. Фerez*

Публикуется с разрешения наследников автора
и Virginia Kidd Agency, Inc. (США)
при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Блиш, Джеймс.

Б69 Поверхностное натяжение : [сборник : перевод с англий-
ского] / Джеймс Блиш. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
608 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-115632-9

Джеймс Блиш (1921–1975) – представитель «золотого века» американ-
ской фантастики, обладатель «Хьюго» за роман «Дело совести», автор мно-
жества оригинальных идей, вдохновивших фантастов 1960–1970-х.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© James Blish, 1954, 1956, 1957, 1958, 1965, 1970, 1972
© Перевод. В. Миловидов, 2020
© Перевод. А. Гузман, 2020
© Перевод. Т. Перцева, 2020
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2020
© Перевод. Р. Рыбкин, наследники, 2020
© Перевод. А. Битов, наследники, 2020
© Перевод. К. Круглов, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-115632-9

ДЕЛО СОВЕСТИ

Посвящается Ларри Шоу

*Поведаю я диспозицию уличную Рима со дня
основания города сего... а во второй части поведаю
вам я о святости места сего наихристианнейшего.
Лишь то запечатлит перо мое, что в хрониках
нахожу или что собственными зрил очами.*

Джон Кэпгрейв. «Услада паломникам»

*Человек задумается, единственно если воспре-
пятствовать ему действовать.*

Жан-Жак Руссо

*Человек созидает, единственно если свершение
действия прибавляет к его загадке.*

Джеральд Хэрд

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Роман этот не о католицизме, но поскольку главный герой его — католический теолог, то книга неизбежно содержит ряд моментов, довольно болезненных для приверженцев католического и (в меньшей степени) англиканского вероисповедания. Читатели же, лишенные доктринальных предубеждений, вряд ли вообще обратят на эти моменты особенное внимание — не говоря уж о том, чтобы вознегодовать.

При написании романа я предполагал, что как обряды, так и вероучение римской католической церкви в течение века претерпят определенные метаморфозы, существенные и не очень. Публикация книги в Америке показала, что католики не имели бы ничего против моего Басрского Собора, против того, как я воспроизвел всю небезызвестную изысканнейшую дискуссию, с пупков начиная и геолого-палеонтологическими данными заканчивая, и как разделался с тонзурой; но по двум позициям они не позволили бы мне хоть на шаг отступить от того, что можно найти в «Католической энциклопедии» 1945 года издания. (Ни один ученый до сих пор почему-то не возмутился тем, как я разделался к 2045 году с частной теорией относительности.) И вот о каких позициях речь.

Первое. Я предположил, что к 2050 году обряд экзорцизма станет анахронизмом далекого Средневековья, и даже в ду-

ховных семинариях обучать ему будут лишь формально — настолько, что изгонять беса не придет в голову даже иезуиту; особенно в ситуации, когда экзорцизм приходит на ум в последнюю очередь, да и вообще едва ли уместен. Но даже в наше время не-католики, как правило, не верят, что церковь до сих пор практикует экзорцизм; он кажется примитивней и утрированное даже рясы и тонзуры, чья родословная также восходит к XIII веку. Тогда же, например, было принято звонить в специальным образом освященные колокола, дабы разогнать грозовые тучи; это больше не практикуется, а потому, на мой взгляд, более чем допустимо предположить, что к 2050 году экзорцизм станет обрядом столь же рудиментарным.

Второе. Я предположил, что к 2050 году достаточно осведомленный мирянин будет вправе соборовать — как, например, в наше время крестить. Разумеется, сегодня это еще не так — и, надеюсь, мое раздражение критиками, полагающими, якобы по лености своей я считаю, будто все уже обстоит именно так, простительно. Эти любители от теологии забывают, что поначалу ни одно из таинств не могло отправляться иначе как священнослужителем; и тот факт, что соборование поныне пребывает в той же категории, — отнюдь не данность, а результат упорной борьбы, что ведется церковью вот уже немало веков. Аналогичная борьба, только по поводу крещения, была незамедлительно проиграна, и поражение это было неизбежно во времена, когда численность населения мала, смертность высока, а эпидемии часты — так что приходится признать драгоценность каждой души с момента появления на свет. Сегодня и (к моему величайшему опасению) завтра нашему перенаселенному неомальтузианскому миру с нашим коллективным ангелом смерти — бескрылым, безликим и с очень длинными руками — грозят жертвы столь массовые, что никакой популяции священнослужителей не отпеть всех безвременно усопших; а поскольку я все же считаю церковь учреждением, в основе своей скорее милосердным (хотя зачастую может показаться и наоборот), то пред-

положил, что к 2050 году в вопросе о соборовании та пойдет на уступки.

Разумеется, любой вправе не согласиться с моей логикой; надеюсь только, мне не будут приводить в пример доктрину 1945 года как самодостаточную вплоть до 2050-го.

Многие из писавших мне считают, что заключению главного героя о природе Литии вовсе не обязательно полагалось быть именно таким; но мне было лестно получить несколько писем от теологов, осведомленных — очевидно, в отличие от большинства моих корреспондентов — о нынешней позиции католической церкви в вопросе о множественности миров. (Как обычно, церковь как институт куда дальновидней большинства своих отдельно взятых приверженцев.) Вместо того чтобы оправдывать прорыв в моем герое манихейства — причем словами в основном его же собственными, — я позволю себе сослаться на мнение мистера Джеральда Хэрда, лучше всех подытожившего ситуацию (чего и следовало ожидать от писателя столь талантливого, да еще теологически образованного).

Если — как предполагает ныне большинство астрономов, и среди них иезуиты — существует множество планет, на которых есть разумная жизнь, «любая из таких планет (в Солнечной системе или за ее пределами) должна относиться к одной из трех категорий:

а) Планета населена существами разумными, но душой не наделенными; следовательно, обращению в истинную веру те не подлежат, но отношение к ним сочувственное.

б) Планета населена существами разумными, наделенными душой и падшими вследствие греха первородного, но не все-непременно родового; следовательно, те подлежат обращению в истинную веру, причем с чрезвычайным миссионерским милосердием.

в) Планета населена существами разумными и наделенными душой, но не ведавшими грехопадения; следовательно, те:

1) населяют безгрешный мир-рай;

2) значит, входить в контакт с ними должно не с целью пропаганды, а дабы вызнать (о чем мы можем только догадывать-

ся), как живут существа, не лишившиеся благодати, в абсолюте наделенные всеми достоинствами, бессмертные и совершенно счастливые, ибо непрерывно сознают Божественное присутствие и сопричастность».

По-моему, нельзя не заметить (вслед за Руис-Санчесом), что Лития не относится ни к одной из этих трех категорий; отсюда и все нижеследующее.

Автор же, хотелось бы добавить, вообще агностик и какой-то определенной позиции в данном вопросе не придерживается. Замысел его заключался в том, чтобы написать о человеке, а не о вероучении.

Джеймс Блиш, «Эрроухэд».
Милфорд, Пенсильвания, 1958 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Каменная дверь оглушительно хлопнула. Это мог быть только Кливер; не нашлось еще двери столь тяжелой или хитроумно запирающейся, чтоб он не сумел хлопнуть ею с грохотом, предвещающим Судный день. И ни на одной планете во всей Вселенной не было атмосферы столь плотной и влажной, чтобы грохот этот приглушить — даже на Литии.

Отец Рамон Руис-Санчес, уроженец Перу, строго блюдуший четыре полагающихся иезуитскому монашеству обета, продолжал чтение. Сколько еще пройдет, пока нетерпеливые пальцы Пола Кливера управятся со всеми застежками лесного комбинезона... а проблема-то тем временем остается. Проблеме уже больше века от роду — впервые сформулирована в 1939 году, но церкви до сих пор как-то не по зубам. И дьявольски сложна (наречие из официального лексикона, подобранное буквалистски точно и понимания требующее буквального). Даже роман, в котором она выдвигается, внесен в «индекс экспургаториус»* и доступен духовным изысканиям Руис-Санчеса только благодаря принадлежности к ордену.

Он перелистнул страницу, краем уха слыша топот и бормотание в тамбуре. Текст тянулся и тянулся, становясь чем дальше, тем запутаннее, зловещее, неразрешимее.

* *Index Expurgatorius* (лат.) — «очистительный список» (список литературы, запрещенной католической церковью).

«...Магравий угрожает Аните домогательствами Суллы — дикаря-ортодокса (и главаря дюжины наемников, сулливани), желающего свести Фелицию с Григорием, Лео Вителлием и Макдугаллием, четырьмя землекопами, — если Анита не уступит ему, Магравию, и не усыпит в то же время подозрений Онуфрия тем, что станет исполнять с ним супружеский долг, когда последний того пожелает. Анита, заявляющая, будто обнаружила кровосмесительные посягательства Евгения с Иеремией...»

Тут он опять потерял нить. Евгений с Иеремией... А, да — в самом начале они упоминались как «филадельфийцы», адепты братской любви (и тут очередное преступление кроется, двух мнений быть не может), состоявшие в близком родстве и с Фелицией, и с Онуфрием; последний — муж Аниты и, очевидно, главный местный злодей. К Онуфрию же, кажется, воцелел Магравий, подстрекаемый домогаться Аниты работником Маурицием — похоже, с потакания самого Онуфрия. Правда, Анита прослышала об этом от своей камеристки, Фортиссы, что сожительствовала (по крайней мере, когда-то) с Маурицием и имела от него детей — так что подходить к изложенной истории следовало с особой осторожностью. Да и вообще, признание Онуфрия, с которого все началось, было исторгнуто под пыткой — которой он, правда, согласился подвергнуться добровольно; но все же под пыткой. Что до связи Фортиссы — Мауриций, та представлялась еще гипотетичней; собственно, это не более чем предположение комментатора, отца Уэйра...

— Рамон, помоги, пожалуйста, — позвал вдруг Кливер. — Мне тут не распутаться и... нехорошо.

Биолог-иезуит отложил роман и, встревоженный, встал: от Кливера подобных признаний слышать еще не доводилось.

Физик сидел на плетеном тростниковом пуфе, набитом мхом наподобие земного сфагнома, и пуф трещал под его весом. Из комбинезона Кливер выбрался только наполовину, а бледное лицо сплошь покрывали бисеринки пота, хотя шлем уже валялся в стороне. Короткие, мясистые пальцы неуверенно теребили молнию, застрявшую между слоями стекловолокна.

— Пол! Ну что ж ты сразу не сказал, что заболел? Отпусти молнию, так еще больше клинит. В чем дело?

— Сам не знаю, — тяжело выдохнул Кливер, но молнию выпустил. Руис-Санчес присел рядом на корточки и принялся вправлять бегунок на место, зубчик за зубчиком. — Забрел в самую гущу джунглей, искал там новые выходы пегматита. Была у меня одна давняя мысль, насчет лоцман-травы... ну, которая растет там, где много трития... в промышленных масштабах.

— Не дай-то бог, — пробормотал под нос Руис-Санчес.

— Чего? В любом случае, все без толку... ящерицы одни, попрыгунчики там, всякая обычная нечисть. А потом напоролся... на ананас, что ли... и один шип проткнул комбинезон... и оцарапал. Я было подумал, ничего серьезного, но...

— Зря, что ли, мы паримся в этой стеклодряни? Ну-ка, посмотрим, что там у тебя такое. Давай, подними ноги, снимем сапоги... Ого, где это тебя так...? Да, смотрится, надо сказать, впечатляюще. На что еще жалуемся?

— Саднит во рту.

— Открой, — скомандовал иезуит.

Когда Кливер подчинился, стало ясно, что жалобу его смело можно считать преуменьшением года: всю слизистую обсыпали пренеприятные на вид и наверняка весьма болезненные язвочки с четко очерченными — будто крошечными формочками для печенья — краями.

От комментариев биолог воздержался и постарался придать лицу выражение, вербально формулируемое словами вроде: «Можете идти». Если физику непременно нужно преуменьшать серьезность недомогания, Руис-Санчес ничего не имеет против. Не стоит на чужой планете лишать человека привычных защитных механизмов.

— Пошли в лабораторию, — сказал Руис-Санчес. — У тебя там какое-то воспаление.

Кливер поднялся и, не слишком твердо ступая, проследовал за иезуитом. В лаборатории Руис-Санчес снял с нескольких язвочек мазки, растер по предметным стеклам и погрузил в краситель. Пока шло окрашивание по Грамму, он убивал время,

отправляя старый ритуал: фокусировал зеркальце микроскопа на блестящем белом облаке за окном. Когда прозвенел таймер, Руис-Санчес взял первое стекло, промыл, прокалил, высушил и вставил в держатель.

Как он и опасался, бацилл и спирохет, характерных для обычной язвенно-некротической ангины Венсана — на которую указывала вся клиническая картина и которая прошла бы за ночь после таблетки спектросигмина, — биолог увидел в окуляр всего ничего. Микрофлора рта у Кливера была в порядке, разве что несколько активизировалась из-за воспаления.

— Сделаю-ка я тебе укол, — мягко произнес Руис-Санчес — А потом давай-ка сразу на боковую.

— Вот уж дудки, — отозвался Кливер. — У меня и так дел, наверно, раз в десять больше, чем можно разгрести, и то если ни на что не отвлекаться.

— Болезнь всегда не вовремя, — согласился Руис-Санчес. — Но если с работой и так завал, один-два дня погоды не сделают.

— А что у меня? — спросил с подозрением Кливер.

— Ничего, — едва ли не с сожалением отозвался Руис-Санчес — В смысле, ничего инфекционного. Но «ананас» крепко тебе удружил. На Литии почти у всех растений этого семейства листья или шипы покрыты ядовитыми для нас полисахаридами. Гликозид, который сегодня тебя подкосил, судя по всему, ближайший родственник того, который встречается в нашем морском луке. Короче, по симптомам оно у тебя сильно напоминает язвенно-некротическую ангину, только протекает гораздо тяжелее.

— И надолго это? — поинтересовался Кливер. По привычке он артачился, но явно уже намеревался пойти на попятную.

— На несколько дней — пока не выработается иммунитет. От гликозидного отравления я тебе вколю специальный гамма-глобулин; на какое-то время полегчает, а там и свои антитела вырабатываться начнут. Но пока суд да дело, Пол, лихорадить будет сильно; и мне придется держать тебя на антипиретиках — в здешнем климате лихорадка смертельно опасна... в буквальном смысле.

— Знаю, знаю, — проговорил Кливер уже спокойно. — И вообще, чем больше узнаю об этой планете, тем менее склонен голосовать «за», когда дело дойдет до голосования. Ну, где там твой укол — и аспирин? Наверно, мне надо бы радоваться, что это не бактериальная инфекция — а то змеи тут же напищали бы меня своими антибиотиками под завязку.

— Вряд ли, — отозвался Руис-Санчес. — Не сомневаюсь, у литиан найдется более чем достаточно лекарств, которые нам в конечном итоге сгодятся, но разве что в конечном итоге; а пока можешь расслабиться — их фармакологию нам еще предстоит изучать с азов. Ладно, Пол, шагом марш в гамак. Минут через десять ты пожалеешь, что не умер прямо на месте, это я тебе обещаю.

Кливер криво усмехнулся. Покрытое бисеринками пота лицо под грязно-светлой шапкой густых волос даже сейчас казалось высеченным из камня. Он поднялся и сам, демонстративно, закатал рукав.

— А уж как проголосуешь ты, можно не сомневаться, — заметил он. — Тебе ведь нравится эта планета, да? Настоящий рай для биолога, как я погляжу.

— Нравится, — подтвердил священник, улыбаясь в ответ.

Кливер направился в комнатуху, служившую общей спальней, и Руис-Санчес последовал за ним. Если не считать окна, комнатуха сильно смахивала на внутренность кувшина. Плавно изогнутые, без единого стыка стены были из какого-то керамического материала, который никогда не запотевал и не казался на ощупь влажным; но и совсем сухим, впрочем, тоже. Гамаки подвешивались к крюкам, растающим прямо в стены, словно весь домик, с крюками вместе, был целиком вылеплен и обожжен из единого куска глины.

— Тут явно не хватает доктора Мейд, — произнес Руис-Санчес. — Она была бы в полном восторге.

— Терпеть не могу, когда женщины лезут в науку, — невпопад отозвался Кливер со внезапным раздражением. — Никогда не поймешь, где у них кончаются гипотезы и начинаются эмоции. Да и вообще, что это за фамилия — Мейд?